Master Negative Storage Number

OCI00054.02

Sasodimskii, P. V.

Chernye vorony

Moskva

1895

Reel: 54 Title: 2

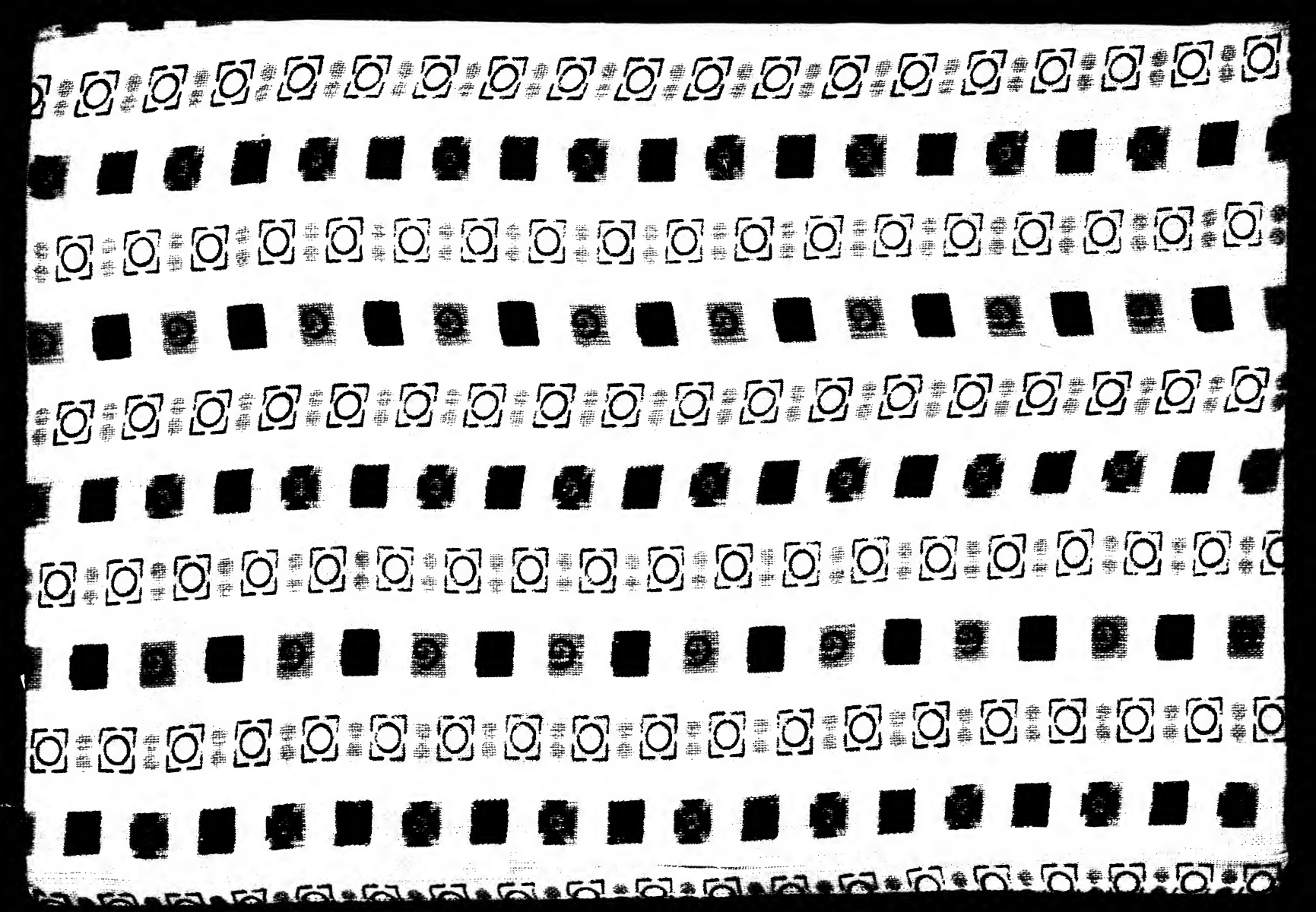
BIBLIOGRAPHIC RECORD TARGET
PRESERVATION OFFICE
CLEVELAND PUBLIC LIBRARY

RLG GREAT COLLECTIONS
MICROFILMING PROJECT, PHASE IV
JOHN G. WHITE CHAPBOOK COLLECTION

Master Negative Storage Number: OCI00054.02

Control Number: BGM-6584
OCLC Number : 24903857
Call Number : W 381.5917N Sa78c no. 1
Author : Sasodimskii, P. V.
Title : Chernye vorony i Ves' viek dlia drugikh : dva razskaza / P. V. Sasodimskago.
Imprint : Moskva : Tip. I.E. Ermakova, 1895.
Format : 35 p. ; 18 cm.
Note : On cover: Chornye vorony.
Note : Illustrated cover.
Subject : Chapbooks, Russian.

MICROFILMED BY
PRESERVATION RESOURCES (BETHLEHEM, PA)
On behalf of the
Preservation Office, Cleveland Public Library
Cleveland, Ohio, USA
Film Size: 35mm microfilm
Image Placement: IIB
Reduction Ratio: 8:1
Date filming began: 10/31/94
Camera Operator: RT



99 + 100

W 70

DAMAGED PAGE(S)

ЧОРНЫЕ ВОРОНЫ.

ЧЕРНЫЕ ВОРОНЫ

И

ВЕСЬ ВѢКЪ ДЛЯ ДРУГИХЪ.

ДВА РАЗСКАЗА

П. В. Засодимскаго.

№ 43.

МОСКВА.
Тип. И. Е. Ермакова. Пятницкая ул., бл. Серпухов. вор., соб. д.
1895.

Дозволено Цензурою. С.-Петербургъ, 7 Мая 1894 г.

ЧЕРНЫЕ ВОРОНЫ.

(Быль).

I.

Всю осень 1882 года пелехинцы были въ большомъ недоумѣніи. Ермилъ Ивановичъ привелъ ихъ въ недоумѣніе своими странными поступками.

Ермилъ Ивановичъ Большухинъ—попросту „Большухичъ“ — поселился въ той сторонѣ лѣтъ 15 тому назадъ и первый, на своемъ собственномъ примѣрѣ, показалъ пелехинцамъ, какъ надо разбойнымъ образомъ, „*по закону*“, изъ копейки рубль дѣлать. И ловокъ же былъ Большухинъ! Волостной писарь, человѣкъ свѣдущій, читавшій газету и любившій употреблять иностранныя слова, иначе и не звалъ его, какъ „*пролетаріемъ*“.

— Вотъ ужъ настоящій пролетарій,—одобрительно говорилъ онъ про него. — Изъ воды сухъ выйдетъ, а сухого, глядишь, мокрой вурицей пуститъ... Комаръ носу подъ него не подточитъ... Голова!

Пелехинцы ужъ и сами видѣли, что онъ—голова .. И протеръ же имъ глаза этотъ удалъ-добрый молодецъ.

Первымъ дѣломъ, онъ скупилъ за полцѣны Михайловку. Усадьба была хорошая, со всѣми угодьями, съ чудесными заливными лугами и съ богатѣйшимъ выгономъ. Одинъ садъ чего стоилъ. На трехъ десятинахъ былъ разбитъ... А въ саду-то вездѣ были скамеечки понаставлены и бесѣдочки понатыканы, съ какими-то шариками да со всякими бирюльками, и мостики врашеные, и статуи—все больше женщины голыя. Наши мужики на эту самую Михайловку ужъ давно зубы точили, скупить хотѣли. Да вѣдь деревня-марушка тяжела на подъемъ: годъ протолковали да годъ затылки чесали, пока собрались послать ходоковъ къ барину въ Москву, а тутъ, какъ на грѣхъ, Большухинъ подвернулся и изъ подъ носу у пелехинцевъ перехватилъ Михайловку. Когда ходоки-то пришли въ Москву, Ермилъ Ивановичъ ужъ купчую написалъ и все дѣло оборудовалъ въ самомъ лучшемъ видѣ,—такъ, несолоно хлебавши, и воротились наши во-свояси, закусивъ московскимъ калачикомъ да позѣвавъ на батюшку Василія Блаженнаго.

Пріѣхалъ Большухинъ въ Михайловку, началъ устраиваться и новые порядки заводить. Онъ велѣлъ раскатать старый боярскій домъ; часть бревенъ испилилъ на дрова, часть пошла для поправокъ кое-какихъ усадебныхъ построекъ; садъ вырубилъ до чиста, до послѣдняго пня, всѣ бесѣдочки и скамеечки, разумѣется,

снесъ; приказалъ статуи свалить наземь и разбить ломомъ вдребезги всѣхъ этихъ бѣлыхъ богинь и красавицъ, а обломками ихъ, вмѣстѣ со щебнемъ, насыпалъ тропинку отъ дома къ конюшнямъ, чтобы, значитъ, Ермилу во всякую погоду удобно было ходить по двору.

Большухинъ выстроилъ домъ совершенно похожій на себя, такой же неуклюжій, крѣпкій, коренастый и безъ всякихъ затѣй,—зато ужъ такой домъ не скоро своротишь съ мѣста.

Ермилъ Ивановичъ былъ мужчина лѣтъ пятидесяти со хвостикомъ, довольно высокаго роста, толстый, съ краснымъ лицомъ, съ сѣрыми заплывшими глазками и съ густыми рыжевато-желтыми волосами. Цвѣтъ лица у него былъ какой-то странный, не смуглый, не бѣлый, а грязноватый. Шеи у него было непримѣтно, голова сидѣла почти прямо на плечахъ. Онъ былъ слегка сутоловатъ, смотрѣлъ исподлобья и вообще всѣмъ своимъ видомъ производилъ такое впечатлѣніе, какъ будто онъ ежеминутно хотѣлъ кого-то подстеречь, на кого то броситься...

Пелехинцы въ первый разъ увидали желѣзную кровлю на большухинскомъ домѣ.. Всѣ усадебныя постройки и дворъ Ермилъ Ивановичъ обнесъ такимъ плотнымъ, высокимъ заборомъ, какъ будто ожидалъ нашествія иноплеменниковъ; завелъ злющихъ, свирѣпыхъ собакъ; добылъ откуда то изъ Рязанской губерніи трехъ „прикащиковъ“ (сущіе разбойники были, прости Господи!) Большухинъ былъ вдовъ и бездѣтенъ. У него была ключница Палашка, мужики наши звали ее Пелагеей Филипповной. Когда Ермилъ Ивановичъ бывалъ въ добромъ расположеніи духа, то, возвращаясь изъ города, привозилъ ей „аде-

калону", вмѣсто духовъ, а иногда и шелковой матеріи на платье; подъ сердитый же часъ спуску ей не давалъ и не разъ, говорятъ, жестоко билъ ее. Палашка только и дѣлала, что спала, ѣла да грызла подсолнечниковыя сѣмечки или щелкала орѣхи. Была она бѣла, какъ сметана, рыхла, какъ сдобная булка, и глупа какъ пробка.

Устроившись, Ермилъ Иванычъ обратилъ вниманіе свое на сосѣднихъ мужиковъ и живо „подтянулъ" ихъ... Бары уже давно не жили въ Михайловкѣ, управляющіе часто смѣнялись, — и для пелехинцевъ нѣсколько лѣтъ подъ рядъ шли совсѣмъ какія-то особенныя, мирныя времена. Ихъ скотина безвозбранно захаживала на Михайловскій выгонъ, порою забиралась даже въ поля; ребятишки залѣзали въ барскій садъ, какъ въ свою собственную загородь, объѣдались вишеньемъ и хозяйничали въ садовыхъ бесѣдкахъ... Съ Ермиломъ шутки вышли плохи. Какъ только, бывало, крестьянскій скотъ забредетъ на его выгонъ, глядь — приказчикъ ужъ тутъ какъ тутъ, и несется, какъ ураганъ, на своемъ гнѣдомъ конѣ, шумитъ, ухаетъ, гуваетъ... Сейчасъ, значитъ, понятыхъ сюда, актъ о потравѣ и т. д. а въ воскресенье „пожалуйте, господа", съ денежками въ волостное правленіе.

— У насъ на этотъ счетъ просто!—говорили приказчики.

Взвыли пелехинцы... Дѣло въ томъ, что мировой посредникъ нарѣзалъ пелехинцамъ надѣлы, какъ будто нарочно, такимъ образомъ, чтобы скотина ихъ непремѣнно заходила на помѣщичью землю.

Сталъ Ермилушкинъ донимать штрафами нашихъ

пелехинцевъ. Тошно пришлось имъ: хоть въ петлю полѣзай...

— Помилуй, Ермилъ Ивановичъ! — плакались они Большухину на первыхъ порахъ, пока еще не раскусили, что онъ есть за птица.—Вѣдь ты насъ этакъ въ конецъ разоришь! Этакой досады намъ никогда еще не бывало... Ей-Богу, право! Жили мы до сей поры мирно... а ты, вотъ, шкандалъ затѣваешь.

— Какой тутъ шкандалъ? — возражалъ Ермилъ Ивановичъ, задирая носъ.—Никакого шкандалу нѣтъ... Всякому свое дорого. А вамъ до сей поры просто было жить въ мирѣ, когда вамъ удержу не было,— что хотѣли, то и дѣлали на барской землѣ... Нѣтъ, голубчики! Вы ужъ оставьте... я *этого* не люблю!

— Ты бы хошь канавъ нарылъ, что ли...—толковали мужики.—А то гдѣ жъ тутъ уберечься... Гляди, какъ выгонъ-то намъ нарѣзали... клиномъ, вѣдь, прямо въ твой выгонъ упирается...

— А мнѣ что за дѣло! — огрызался Большухинъ, свысока посматривая на весь крестьянскій міръ.— Чего смотрѣли, когда надѣлъ брали! Такъ васъ, дураковъ, и надо учить! А я изъ-за вашихъ глупостей рыть канавъ не стану... Пастуховъ нанимайте!

При всей осторожности, пелехинцы все таки раза два-три въ лѣто платили Ермилу Ивановичу за потраву.., Какъ-то незамѣтно, исподволь, исподтишка Большухинъ забралъ въ руки пелехинцевъ, да таково ловко, что тѣ и очнуться не успѣли, какъ всѣ со своими дѣтишками и животишками очутились у него въ кулакѣ. Тому онъ отпуститъ въ долгъ сѣмянъ, тому хлѣба дастъ до осени, тому денегъ выдастъ подъ лѣтнюю работу; на всемъ беретъ онъ проценты жидовскіе, а крестьяне ежатся, да идутъ къ нему.

Невмоготу приходилось пелехинцамъ...

А у Ермила Ивановича, какъ на грѣхъ, была еще скверная привычка — самымъ серьезнымъ образомъ дразнить мужика, тыкать ему въ глаза „волей".

— Я, братъ, принуждать тебя не могу...—разсудительно смиреннымъ тономъ говорилъ онъ, все крѣпче и крѣпче затягивая петлю на шеѣ своей жертвѣ.—Ты, братъ, человѣкъ вольный... Скажемъ, „побожески", такъ... Соглашаешься—ладно, нѣтъ—и съ Богомъ, скатертью дорога — счастливый путь! Неволить тебя не могу...

— Это что и говорить...—соглашается и мужикъ, попавшій въ его сѣти, въ самомъ дѣлѣ какъ бы признавая, что онъ „воленъ" самъ удавиться, или предоставить удавить себя Ермилу Ивановичу, или кому-нибудь другому.

И Ермилъ Ивановичъ своими „божескими" разговорами и поддразниваніемъ иногда, бывало, до того дойметъ мужика, что даже въ потъ его вгонитъ.

— Эхъ, ну тебя!.. Душу, душу-те вымоталъ ты у меня...—съ укоризной иной разъ скажетъ мужикъ.

— Чѣмъ же это, голубчикъ, я тебѣ душу вымоталъ?—простодушно спрашиваетъ Ермилъ Ивановичъ, щуря, какъ котъ, свои маслянистые глазки.— Я тебѣ привожу настоящіе резоны, какъ есть...

— Резоны...—съ затаенной злобой бормочетъ мужикъ, неистово почесывая затылокъ.—Резоны... Понимаешь: жрать нечего, хлѣбушка нѣтъ... а ты—про „волю"!.. Резоны!..

Въ концѣ-концовъ всегда почти выходило такъ, что мужикъ живьемъ давался Ермилу Ивановичу. И, по правдѣ сказать, у Большухина силы было не меньше, чѣмъ прежде у барина.

Не разъ также Ермилъ Ивановичъ принимался пугать телехинцевъ „машиной“...

— Вы со мной не больно то куражьтесь, соколики! — говорилъ онъ при случаѣ. — Я вотъ посмотрю-посмотрю, да заведу машину и буду все машиной дѣлать, а васъ всѣхъ къ лѣшему!

И каждый разъ, когда мужики чѣмъ-нибудь досаждали ему, онъ стращалъ ихъ призракомъ машины.

— Вотъ, ужо, погодите, голубчики, выпишу машину... бѣлугою заревете вы у меня...

Если немножко что, сейчасъ: „Вотъ ужо машину выпишу“ и т. д. Разъ одинъ мужикъ — человѣкъ очень сдержанный и молчаливый — даже осерчалъ на него, не выдержавъ его постоянныхъ застращиваній, и въ отчаяніи крикнулъ ему:

А ну тя къ черту! Выписывай, что хошь... Надоѣлъ ты намъ со своей машиной... „Выпишу, выпишу...“ А что же она у тебя о сю пору не ѣдетъ, эта самая машина? Ну?..

Большухинъ плюнулъ и отошелъ...

Съ купцамы стараго уклада у него „по внѣшности“ не было почти ничего общаго, за исключеніемъ развѣ субботнихъ хожденій въ баню. Въ рѣчахъ, въ обхожденіи и вообще въ образѣ жизни Большухину какъ-то выбился на половину изъ купеческой колеи, хотя въ тоже время ни въ какую другую колею не попалъ. Сапоги, напримѣръ, онъ носилъ городскіе, опойковые, но штаны все-таки заправлялъ въ сапоги; русскую ситцевую рубаху „косоворотку“ любилъ носить „на выпускъ“, подтягивая ее пояскомъ, а сверхъ рубахи надѣвалъ жилетъ, на которомъ красовалась серебряная часовая цѣпочка. Иногда, выѣзжая куда нибудь въ деревню, онъ при этомъ надѣ-

валъ еще сюртукъ. Въ городъ Большухинъ отправлялся въ нѣмецкомъ платьѣ, и это платье, поистинѣ сказать, сидѣло на немъ, какъ на коровѣ сѣдло. Волосы онъ носилъ длинные, а не стригъ ихъ въ кружокъ, по-мужицки; фуражку сдвигалъ на затылокъ.

Изъ числа немногихъ древнихъ обычаевъ, которыхъ придерживался Ермилъ Ивановичъ, какъ я ужъ сказалъ, было еженедѣльное хожденіе въ баню. Попарится, бывало, Ермилъ Ивановичъ всласть, до того, что очумѣетъ, и голый вывалится на крыльцо, весь красный, багровый, съ приставшими къ тѣлу зелеными березовыми листочками, окруженный облакомъ бѣлесоватаго пара, въ лѣтнее время сядетъ на крыльцо или встанетъ у притолки и кричитъ на весь дворъ, чтобы ему принесли квасу...

— Ой, пить хочу до смерти... А-ахъ, хорошо!— тяжело пыхтя и отдуваясь, стонетъ онъ.

Ермилъ Ивановичъ ничего не стыдился, никакого грязнаго дѣла не боялся. Для него не было никакого удержу. Правда, онъ ходилъ въ церковь и становился за обѣдней впереди всѣхъ, у праваго клироса; но только онъ все это продѣлывалъ „ради прилику“, а вовсе не въ силу внутренняго побужденія. Искренно и задушевно Ермилъ поклонялся только одному божеству—„золотому тельцу“.

Къ мѣстнымъ чиновникамъ-властямъ Большухинъ относился даже съ большимъ презрѣніемъ.

— Куплю и продамъ всякаго!—говорилъ онъ однажды писарю навеселѣ, хлопая себя по карману.— Захочу: они для меня такіе законы напишутъ, что вашъ „міръ“ только ахнетъ! Вотъ что!.. Не такъ ли я говорю, а?

Писарь одобрительно кивалъ ему головой.

Большухинъ—хотя съ виду сѣрый человѣкъ—былъ по своему не глупъ и умѣлъ при случаѣ отлично пользоваться и телеграфомъ, и желѣзными дорогами, и банкомъ, и страховыми обществами и т. п. Всѣ научныя усовершенствованія были къ его услугамъ... Но въ то же время Большухинъ, какъ свинья подъ дубомъ, съ высокомѣрнымъ презрѣніемъ отзывался о наукѣ вообще, а надъ учеными и образованными людьми всегда подсмѣивался. Учителя, напримѣръ, онъ звалъ „учителишкой“, а для учительницъ у него было только одно привѣтствіе: „Я бы имъ задалъ науку“, „я бы надавалъ имъ“... и т. д. въ томъ же родѣ...

Съ этакимъ человѣкомъ—безъ страха и совѣсти—пришлось познакомиться пелехинцамъ, да не только познакомиться, но и вступить съ нимъ въ близкія сношенія. Понятно, скрутилъ ихъ Ермилъ Ивановичъ какъ нельзя лучше. Какіе-то странные и страшные слухи ходили о немъ между пелехинцами. „Большухинъ хуторъ“ казался чѣмъ-то въ родѣ замка Черномора; собаки и „большухинскіе молодцы“ нагоняли страхъ на весь околотокъ; самъ Ермилъ Ивановичъ, въ глазахъ пелехинцевъ, выросъ въ какого-то сказочнаго чудища.

— Ему что!.. — толковали въ деревняхъ. — Онъ, братъ, ни передъ чѣмъ не остановится... Онъ тя псами затравитъ, по міру пуститъ, всю деревню выжжетъ... А тамъ ступай, ищи, доказывай! Деньги, братъ, все сдѣлаютъ.

И вотъ этотъ-то человѣкъ съ осени 1882 года, какъ уже сказано, сталъ приводить въ недоумѣніе весь нашъ околотокъ.

II

На своемъ хуторѣ до сего времени— въ теченіе почти 15 лѣтъ—Ермилъ Ивановичъ занимался посѣвами, пробавляясь главнымъ образомъ даровыми руками закабаленныхъ рабочихъ; скупилъ также хлѣбъ, когда крестьянамъ дозарѣзу нужны были деньги, и перепродавали его съ громаднымъ барышомъ, откармливалъ волковъ на арендуемомъ участкѣ степи и гонялъ ихъ въ Питеръ и въ Москву. Хуторъ у него, какъ говорится, былъ полная чаша: чего хочешь — того и просишь. Лошади на конюшнѣ стояли одна другой бойчѣе—звѣри, а не кони!

Большухинъ, какъ уже сказано, выстроилъ домъ наславу и обнесъ его такимъ заборомъ, что и солдаты, кажется, не вдругъ взяли бы его приступомъ, а брадягамъ-грабителямъ не стоило и подходить къ хутору съ дурными мыслями ни днемъ, ни ночью: днемъ привазчики-разбойнички нагайками задерутъ до полусмерти, ночью—собаки разорвутъ въ клочья. Притомъ, говорятъ, на хуторѣ было до полдюжины ружей, а пистолетовъ и того больше... Однимъ словомъ, Ермилъ Ивановичъ, повидимому, основался крѣпко, прочно, какъ будто разсчитывая всю жизнь прожить съ пелехинцами.

Вдругъ слышатъ послышатъ добрые люди... начинаетъ Большухинъ распродавать свое добро имущество. Рты разинули пелехинцы... Ермилъ Ивановичъ отказался отъ аренды, продавалъ коровъ и лишнихъ

лошадей и пріискивалъ для хутора „вѣрнаго покупщика“... Пелехинцы, 15 лѣтъ тому назадъ, когда были еще въ силѣ, просбирались купить Михайловку, а теперь, послѣ Ермилкина „сидѣнья“, они пришли въ такой разоръ, что о покупкѣ „міромъ“ нечего было и думать... И ни одна душа въ нашей сторонѣ не знала о томъ, зачѣмъ ради чего Ермилъ Ивановичъ собрался рушить свое насиженное гнѣздо... „Что за чудо!“ толковали въ деревняхъ. И много разговоровъ было по этому случаю. Къ писарю подходы дѣлали, но и писарь божился, что ничего не знаетъ.

— Спрашивалъ,—говоритъ,—его онамеднись... Что ты, говорю, Ермилъ Ивановичъ, задумалъ такое?.. „Задумалъ,—говоритъ, одну штуку“... А какую такую штуку—прахъ его знаетъ...

Было только извѣстно, что его самый довѣренный и самый продувной приказчикъ, знавшій всѣ его тайны, Петръ,—прозванный цыганенкомъ за свое черное „волосье“ и за смуглый цвѣтъ лица,—не одинъ разъ куда-то ѣздилъ и пропадалъ по цѣлымъ недѣлямъ. Всѣ замѣчали, что на хуторѣ творится что-то необычное, а домекнуться до сути никто не могъ. Большухинъ-то казался озабоченнымъ, то становился веселъ, шутилъ, смѣялся съ мужиками, и по вечерамъ, сидя на крыльцѣ, громогласно распѣвалъ: „Да исправится молитва моя, яко кадило предъ Тобою“, или, впадая въ болѣе мрачный тонъ, густымъ басомъ тянулъ:—„Волною морскою“...

Наконецъ и самъ Ермилъ Ивановичъ ѣздилъ куда-то два раза, бывалъ въ отлучкѣ по нѣсколько дней, и каждый разъ, по возвращеніи его изъ поѣздки, распродажа движимаго и недвижимаго имущества на

хуторѣ шла шибче прежняго. Загадочны были каждое слово и каждый взглядъ Ермила Ивановича.

— По всѣмъ видимостямъ, Ермилъ Ивановичъ, вы хотите переселиться куда-то отъ насъ?—сказалъ ему однажды священникъ, встрѣтившись съ нимъ на базарѣ въ Ульяновахъ.—Много, поди, безпокойства вамъ теперь?..

Присутствующіе насторожили уши и воззрились на Большухина:—„Какъ-то, молъ, ты теперь отвертишься?..

— Что же дѣлать, батюшка!—со вздохомъ отозвался Ермилъ Ивановичъ.—Рыба ищетъ—гдѣ глубже, человѣкъ—гдѣ лучше...

— Это вы справедливо... — согласился отецъ Николай.

Присутствующіе при этомъ понѣсили носы:—„улизнулъ-таки“...

— Только дѣло въ томъ, Ермилъ Ивановичъ, что вѣдь вы здѣсь таково хорошо устроились, заведенье у васъ шло на широкую ногу...—продолжалъ священникъ.—А теперь вамъ опять такое безпокойство...

— Ничего, отче!—весело возразилъ Большухинъ.—Все перемелется—мука будетъ. Именно—мука .. Ахъ, ха-ха!

Да какъ вдругъ расхохочется на всю площадь...

Потомъ пелехинцы вспомнили этотъ хохотъ и поняли его настоящій смыслъ, а въ ту пору добрые люди смотрѣли на него, какъ на шального. Въ словахъ: „перемелется—мука будетъ“, не было ровно ничего смѣшного. Онъ, дѣйствительно, въ то время о мукѣ думалъ; поговорка пришлась кстати и разсмѣшила его...

— А куда переѣзжаешь-то?—Далеко?—прямо спросилъ Большухинъ нашъ простоватый дядя Климъ.

— Далеко! Отсюда не видать!—съ веселой улыбкой промолвилъ тотъ, отходя въ сторону.

Присутствующіе покачали головами и стали перешептываться между собой...

Авремя шло—подвигалось. Наступила зима... Нашелся и покупатель на хуторъ, вѣрнѣе сказать—покупательница нѣмка, Клейманъ (пелехинцы зовутъ ее Клеманшей). Задумала она на нѣмецкій манеръ заводить молочное хозяйство сыръ да масло дѣлать... Наконецъ, Ермилъ Ивановичъ собрался уѣзжать; долѣе скрывать тайну было уже нельзя. Оказывалось, что Ермилъ Ивановичъ удалялся отъ насъ въ Алюбинскую станицу. Впослѣдствіи, уже гораздо позже, пелехинцы узнали всѣ подробности таинственной „штуки", задуманной и удивительно хитро обдѣланной Ермиломъ Ивановичемъ. Слышали пелехинцы потомъ отъ очевидцевъ, какъ неудачно и печально разрѣшилась для него самого его таинственная „штука".

Станица Алюбинская находилась въ ста верстахъ отъ нашихъ мѣстъ и стояла на берегу Вепра, посреди зеленыхъ донскихъ степей, въ мѣстности бойкой, людной, богатой пшеницею. Мощеныя улицы, кабаки, трактиры съ заманчивыми красными вывѣсками, рядъ деревянныхъ лавокъ на базарной площади, большая бѣлая церковь—дѣлали станицу похожею на веселый, оживленный городокъ. Осенью въ станицѣ бывали ярмарки; много торговцевъ наѣзжало сюда изъ сосѣднихъ губерній.

Въ станицѣ на рѣкѣ Вепрѣ была отличная общественная мельница, сдававшаяся въ аренду и приносившая, по слухамъ, арендатору громадный доходъ. Эта

мельница славилась далеко въ окружности и почти 8 мѣсяцевъ въ году безостановочно работала на хлѣбородный край. Арендаторомъ мельницы за послѣднее время былъ купецъ Зуевъ—человѣкъ съ головой и съ деньгами. „На мельницѣ онъ нажился—страсть! “говорили про него въ народѣ. Вотъ нашему Большухину и впало на умъ перебить у Зуева мельницу: продажа воловъ и хлѣбная торговля, должно быть, показались ему слишкомъ окольнымъ, медленнымъ путемъ для обогащенія. Мельница сулила громадные барыши...

Ермилъ Ивановичъ привыкъ хитрить и лукавить издавна, хитрость и разсчетъ уже вѣлись въ него. Онъ хитрилъ и лукавилъ даже въ самыхъ пустыхъ вещахъ, вовсе не требовавшихъ никакихъ хитростей. Когда же насчетъ мельницы дѣло завязалось серьезно, онъ довелъ свою хитрость, можно сказать, до тонкости паутины. Онъ довѣрилъ это важное дѣло только своему „цыганенку“—и болѣе никому ни слова, даже на Пашку онъ крикнулъ „цыцъ“ и пригрозилъ ей ремнемъ, когда та, по своему бабьему любопытству, слишкомъ стала приступать къ нему съ разспросами. „Цыганенку“ было поручено самымъ секретнымъ образомъ, въ отсутствіе Зуева, вступить въ переговоры со стариками станичниками; съ помощью водки, задариванья и всякихъ посуловъ склонить ихъ на сторону Ермила Ивановича и понудить, по окончаніи срока Зуевской аренды, сдать ему мельницу. „Цыганенокъ„—хитрая бестія, весь въ хозяина!—соблазнилъ станичниковъ и обломалъ дѣло въ самомъ лучшемъ видѣ. Срокъ аренды истекалъ въ декабрѣ мѣсяцѣ. И кончилось дѣло тѣмъ, что Большухинъ накинулъ станичникамъ за мельницу лишнихъ 300 рублей въ годъ,—и мельница осталась за нимъ. Все это крупное дѣло

велось такъ ловко, такъ скрытно, что даже Зуевъ ничего не пронюхалъ о непріятельскихъ подкопахъ...

А Зуевъ, Григорій Васильевичъ, былъ тоже человѣкъ „себѣ на умѣ“, птица хищная, плотоядная... Извѣстіе о передачѣ мельницы Большухину стукнуло его, какъ обухомъ по лбу. Крякнулъ Григорій Васильевичъ, отеръ потъ, выступившій у него на лбу отъ такого неожиданнаго удара, и промолчалъ.

Большухинъ былъ съ нимъ знакомъ уже давно; они сталкивались въ городѣ — встрѣчались въ банкѣ, въ трактирахъ, на ярмаркахъ и на большихъ базарахъ; вмѣстѣ покучивали и развратничали... Но дѣловъ они не вели между собой и не были друзьями. Да если бы они даже и были друзьями, то дружба въ этомъ случаѣ не могла помѣшать никакимъ каверзамъ и подвохамъ. Оба они, про себя, въ одинъ голосъ твердили: „дружить дружи, а камень запазухой держи“. По понятіямъ такихъ хищниковъ, какъ Зуевъ и Большухинъ, подкопаться подъ ближняго, утянуть у него кусокъ изо рта, или подставить ногу такимъ манеромъ, чтобы ближній, стремясь къ цѣли, споткнулся и, по возможности, основательнѣе расквасилъ себѣ носъ — считалось просто „коммерческимъ“ дѣломъ. Они оба взапуски объ „одеждѣ“ ближнихъ своихъ метали жребій. „Ошарашить“, „объегорить“, „облапошить“, „нагрѣть“, „подкузьмить“ было для нихъ дѣломъ похвальбы и молодечества... И странно было бы Зуеву негодовать на то, что сегодня Большухину выпался жребій получше, чѣмъ ему“. Завтра, глядишь, такой же — или даже заманчивѣе — падетъ жребій на долю Зуева. Только не надо сидѣть сложа руки и унывать.

А Зуевъ, между тѣмъ, повидимому, былъ такъ ошеломленъ нападеніемъ изъ засады со стороны Ермила Ивановича, что, казалось, совсѣмъ опѣшилъ. Когда его спрашивали: что онъ думаетъ теперь предпринять? Григорій Васильевичъ необыкновенно грустно поглядывалъ по сторонамъ.

— Да что теперь дѣлать... Подрадѣли добрые люди... Спасибо!—говорилъ онъ, печально складывая губы и задумчиво-растерянно смотря передъ собой въ пустое пространство.

— Гришка нашъ совсѣмъ опустился! — толковали про него въ народѣ—Поддѣлъ его Большухинъ—не чего сказать... Ахъ, волкъ те зарежь!..

— Нагрѣлъ... живетъ съ него! До новыхъ вѣниковъ, чай, не забудетъ...

— Гдѣ забыть!.. Ну, ужъ и Большухинъ! Ловкачъ!

Дѣйствительно, казалось, Зуевъ впалъ въ какое-то уныніе, слонялся изъ стороны въ сторону, а если и принимался что нибудь дѣлать, то очень смахивалъ на сумасшедшаго. Вдругъ, напримѣръ, ни съ того, ни съ сего, купилъ онъ въ двухъ верстахъ отъ станицы 5 десятинъ земли и деньги заплатилъ за нихъ чисто бѣшеныя. Народъ только подсмѣивался...

— Гришка-то, никакъ, совсѣмъ рехнулся!—толковали мужики.

— Ну, почто ему понадобился этотъ пустырь! Нырей на немъ разводить, что ли?

— И не говори лучше! „Въ отдѣлку“ его изъ ума вышибло...

Передъ пріѣздомъ Ермила Ивановича въ Алюбино, Зуевъ вдругъ скрылся куда-то... Сказывали, въ Москву укатилъ.

Вотъ пріѣхалъ новый арендаторъ, напоилъ станичное начальство чуть не до чортиковъ, и сталъ устраиваться на новомъ мѣстѣ. Незадолго до Рождества возвратился и Зуевъ въ станицу. Вотъ тутъ то и встрѣтились наши ѓороны, и одинъ другого шибко потрепалъ.

III.

—Былъ зимній солнечный день. На базаръ въ станицу съѣхалось много народу. Трактиры были полнехоньки, торговали и шумѣли наславу... Время шло за полдень, дѣла были покончены, и продавцы и покупатели гуляли всласть.

Въ трактирѣ Ивашкина, на „чистой половинѣ“, повстрѣчались наши хищники. Ну, разумѣется, какъ знакомые, поздоровались, потрясли другъ друга за руку и повели рѣчь о томъ, о семъ. Большухину, признаться, не особенно пріятно было столкнуться съ Зуевымъ въ трактирѣ:—„Напьется, чего добраго, станетъ привязываться; еще, пожалуй, скандалъ устроитъ“. Увидѣвъ теперь, что Григорій Васильевичъ ведетъ себя прилично и, повидимому, примирился съ своимъ пораженіемъ, Большухинъ мигомъ повеселѣлъ. Конечно, онъ не боялся Зуева („мнѣ что... наплевать! Серчай себѣ“), но все-таки онъ гораздо спокойнѣе чувствовалъ себя, видя, что за спиной у него не торчитъ врагъ, готовый ежеминутно огрѣть его по за-

тылку. Расчувствовался Ермилъ и не побоялся даже коснуться щекотливаго предмета...

— Григорій Васильевичъ! ты что жъ меня не поздравишь, а? — спросилъ онъ, хлопнувъ Зуева по плечу.

Въ ту минуту эти два воротила стояли почти среди комнаты, у всѣхъ на виду. Яркій солнечный лучъ, полосой пробивавшійся въ окно, озарялъ ихъ золотистымъ свѣтомъ. Изъ-за сѣрой трактирной пыли, волновавшейся въ полосахъ солнечнаго свѣта, видны были посѣтители, сидѣвшіе у столиковъ, тамъ и сямъ, за большими чайниками и за бутылками пива, и съ напряженнымъ любопытствомъ посматривавшіе на двухъ чудо богатырей, сошедшихся другъ съ другомъ, лицомъ къ лицу.

— Съ чѣмъ же поздравлять тебя? Что за праздникъ?—переспросилъ Зуевъ, какъ бы въ недоумѣніи.

— А мельницу-то надо вѣдь спрыснуть, какъ ты думаешь, а?—вполголоса продолжалъ Ермилъ Иванович.

— Да... мельницу-то!—совершенно равнодушно проговорилъ Зуевъ.—Ну, что же! Спрыснемъ!.. Угощай!

— Шампанскаго! — зычнымъ голосомъ крикнулъ Ермилъ Ивановичъ.

Пробка хлопнула, два стакана налилъ половой, — пріятели наши чокнулись, выпили и, по привычкѣ, сплюнули въ сторону.

— А я, Григорій Васильевичъ, не то, чтобы противъ тебя...—вполголоса и несвязно, примирительнымъ голосомъ заговорилъ Ермилъ Ивановичъ.—Вотъ какъ передъ Богомъ!.. Самъ знаешь: дѣло наше такое...

Гм!.. Потомъ же я слышалъ, что будто ты хотѣлъ ужъ отступаться отъ мельницы... Правда?

— Точно! Было дѣло...—не моргнувъ глазомъ, спокойно, съ легкой усмѣшкой отвѣтилъ Зуевъ.

Ермилъ Ивановичъ лгалъ самымъ нахальнымъ образомъ: ничего подобнаго онъ не слыхалъ. Григорій Васильевичъ почему-то счелъ нужнымъ поддержать эту ложь.

— А я, признаться, думалъ: ты станешь серчать на меня...—продолжалъ Большухинъ.

— Что жъ серчать... Я ужъ этой мельницей попользовался достаточно... А теперь ты...—смиренно отозвался Зуевъ, потупляя глазки.

Вдругъ онъ оживился.

— Охъ, ты, старый плутяга! Ловко же ты обошелъ меня съ этой мельницей... Ловко!—громко проговорилъ Зуевъ, по-пріятельски хлопая по брюху Ермила Ивановича.—Да я ничего... Богъ съ тобой!..

Большухинъ взялся за шапку.

— Нѣтъ, ужъ ты постой, Ермилъ Иванычъ...—дружески остановилъ его за руку Зуевъ.—Я вѣдь тебя проздравилъ, такъ ужъ и ты проздравь меня.

— Съ чѣмъ?—быстро спросилъ Ермилъ, пристально посмотрѣвъ на своего побѣжденнаго соперника.

— Новое заведеніе открываю...

— Ну, что жъ! Доброе дѣло, доброе дѣло...—проговорилъ Большухинъ.

— Еще бутылочку!—крикнулъ Зуевъ, полуоборачиваясь къ прилавку.

Опять пробка—хлопъ, и опять наши вороны, со стаканами шипучаго вина въ рукахъ, очутились ли-

цомъ къ лицу... Но Григорій Васильевичъ, худощавый, смуглый, съ черными волосами, съ темными проницательными глазками и съ тонкимъ, вострымъ носомъ — гораздо болѣе походилъ на хищника, нежели нашъ тучный, мягкій и рыхлый Ермилъ Ивановичъ.

— Ну, сказывай: съ чѣмъ же проздравлять?—спросилъ Большухинъ.

— А я, видишь, Ермилъ Иванычъ, подъ станицей клочокъ землицы купилъ...—пояснилъ Зуевъ съ разстановкой. Можетъ быть, слышалъ?

Большухинъ молча ему кивнулъ головой.

— Вотъ, и хочу я, другъ, нынѣшней весной выстроить тутъ *паровую мельницу*...—съ невозмутимымъ спокойствіемъ проговорилъ Зуевъ.

Большухинъ пошатнулся, точно его кто-нибудь по башкѣ хватилъ.

Зуевъ перехитрилъ, разорилъ его... Всѣ хитрости обрушились на его же голову. Что онъ теперь будетъ дѣлать съ водяной мельницей, когда подъ бокомъ у него заведутъ мельницу паровую?... А хуторъ ужъ проданъ, мельница заарендована, условіе написано и неустойка—большая. Онъ не выговорилъ въ условіи, чтобы станичники не допускали устройства другой мельницы. Станичники продали его... „Нашла коса на камень“. Все это съ быстротой молніи мелькнуло въ головѣ Большухина и поразило его страшно. Въ порывѣ ярости и отчаянія, онъ хотѣлъ было крикнуть „караулъ!“ хотѣлъ размозжить голову сопернику, съ злой усмѣшкой смотрѣвшему теперь на него своими темными разбойничьими глазами.

Большухинъ тяжело дышалъ... Его широко раскрытые глаза безсмысленно блуждали по сторонамъ, лицо побагровѣло... Стаканъ съ шампанскимъ выскользнулъ

изъ его дрожащей руки, и Ермилъ Ивановичъ тяжело грохнулся на полъ..

Съ нимъ сдѣлался параличъ.

На первый разъ съ нимъ отводились кое-какъ. Но ужъ прежняго Ермила Ивановича Большухина не стало. Языкъ его заплетался, правой рукой онъ почти не владѣлъ, ходилъ, какъ разслабенный.

Вотъ и невѣрна оказалась поговорка, что будто „воронъ ворону глазъ не выклюетъ“. Однакожъ, выклевалъ...

ВЕСЬ ВѢКЪ—ДЛЯ ДРУГИХЪ.

(быль).

I.

Однажды лѣтомъ я жилъ въ имѣніи своей тетки. Случилось мнѣ какъ-то поздно вечеромъ возвратиться домой изъ поля. Вхожу въ комнату и вижу, что съ теткой сидитъ какой-то старичокъ-крестьянинъ и пьетъ чай. Старичокъ былъ одѣтъ чистенько—въ синемъ армякѣ и подпоясанъ пестрымъ кушакомъ; онъ былъ въ длинныхъ смазныхъ сапогахъ, а на колѣнахъ у него лежалъ картузъ. Его густые волосы съ просѣдью были подстрижены по-деревенски, въ кружокъ, посерединѣ головы раздѣлены проборомъ и приглажены. Этотъ гость меня не удивилъ: къ тетѣ часто захаживали сосѣдніе крестьяне то за лѣкарствомъ, то за книжкой, то по какому-нибудь другому дѣлу. Мнѣ

только странно показалось, что у этого крестьянина нѣтъ ни усовъ, ни бороды. Я еще ни разу не видалъ его у тетки.

Старичокъ сидѣлъ, перекинувъ ногу на ногу, и при входѣ моемъ провелъ рукой по губамъ, какъ бы утираючи усы. Я поклонился ему и подсѣлъ къ самовару. Старикъ повернулъ ко мнѣ свое худое, желтое, морщинистое лицо и добродушно посмотрѣлъ на меня своими кроткими блѣдно-голубыми глазами.

— Это племянникъ твой: изъ Питера?—тихо спросилъ онъ у тетки и кивнулъ на меня головой.

— Да, племянникъ!—отвѣтила ему тетка.

— Ну, вотъ и доброе дѣло, доброе дѣло... — промолвилъ старикъ.—Деревню не забываетъ, тебя провѣдываетъ... Такъ, такъ!

— А ты, кажется, Настасью-то еще не видалъ? — спросила меня тетка.

— Какую, говорю, Настасью?

— А вотъ эту самую — Настасью Прохоровну!— сказала тетка указала на старичка.

Удивился я тогда, правду сказать...

— А ты, небойсь, за мужика ее принялъ?— замѣтила тетка и усмѣхнулась.—Многіе, въ первый разъ, ее за мужика признаютъ.

— Не мужикъ я, голубчикъ... а старая дѣвка...— обратилась ко мнѣ Настасья:—только весь вѣкъ, почитай, мужицкую одежу ношу... Такъ ужъ пришлось!

Я познакомился съ Настасьей, часто видался съ нею и изъ разговоровъ ея и изъ разсказовъ постороннихъ узналъ понемножку всю жизнь этой удивительной старухи, ходившей въ мужицкой одеждѣ. А теперь, какъ слышалъ, безъ прикрасъ и безъ прибавки, разскажу вамъ.

II.

Родомъ она была изъ деревни Погорѣлова. Послѣ смерти матери въ семьѣ остались съ отцомъ — она, двѣ сестры да маленькій братишка, —только полгода было ему. Настасья была старше всѣхъ; въ ту пору ей было 12 лѣтъ. И сдѣлалась она хозяйкой: содержала избу въ чистотѣ, нянчилась съ маленькими сестрами и съ братишкой, готовила обѣдъ, пекла хлѣбы, обряжала скотину, доила керову, отецъ помогалъ ей только мѣсить хлѣбы да колоть дрова,— на это ея силы еще не хватало. Зато и она иногда помогала отцу: лѣтомъ ходила на поле съ граблями и серпомъ, а зимой ѣздила съ нимъ въ лѣсъ за дровами. Настасья рано также научилась шить: нужда всему научитъ. Настасья обшивала отца и ребятъ...

— Какіе стежки-то у меня сначала выходили — во-о! страсть! — говаривала она, вспоминаючи свое трудное дѣтство.—Иной разъ палецъ-то до крови наколешь, а ничего не подѣлаешь... Персты-то у меня въ ту пору были малы, ни одинъ наперстокъ еще не годился... Вотъ зимой, бывало, батюшка, вечеромъ, какъ ребятъ-то спать уложу, а отецъ на печь завалится, за день-то тоже уморится, я зажгу лучину, сяду поближе къ печкѣ, чтобы теплѣе было, да и шишляюсь надъ своей работой...

Иной разъ за полночь сидѣла дѣвочка надъ своимъ шитьемъ; бывало, всю лучину сухую сожжетъ. Сидитъ, бывало, этакъ, а за окномъ то вѣтеръ прошумитъ, то волки за деревней завоютъ, то собаки при-

PAGE(S) MISSING

PAGE(S) MISSING

тянула на лавкѣ свои худыя костлявыя руки, и опять вздохнула...

— Старье-то мое отдайте Ниловнѣ...—погодя мало, заговорила она.—Трудно ей, бѣдной... Армякъ-то сивій Трофиму отдайте... армякъ то-еще живетъ... а меня-то въ гробъ въ чемъ ни на есть положите... тамъ не взыщутъ!

— Да что ты, бабушка, торопишься! Поживи! — говорили ей.

Старуха молчала и долго смотрѣла на красное солнышко... Ужъ только одинъ краешекъ солнца виденъ былъ ей изъ-за сосѣдней соломенной крыши,—и она не сводитъ съ него потухающихъ глазъ.

— А жаворонокъ, поди, поетъ теперь въ полѣ? — тихо спросила она.

— Какъ же, бабушка! поетъ...—отвѣчали ей.

— И пускай... Людямъ любо, какъ поетъ онъ...— молвила старуха.

Солнышко зашло за крышу, но небо надъ крышей было еще свѣтло...

— Простите, родимые... простите всѣ...—шептала Настасья своими сухими поблѣднѣвшими губами.

Солнце закатилось; умерла Настасья.

Всѣ плакали по ней — старый и малый, — чужими плакали... И подумалъ я про себя: „А хорошо, кто послѣ смерти оставитъ такую добрую память, какую оставила по себѣ эта старуха!“

Конецъ.

ПРОВЕРЕНО

ПРОДАЕТСЯ

ВО ВСѢХЪ КНИЖНЫХЪ МАГАЗИНАХЪ

МОСКВЫ И С.-ПЕТЕРБУРГА.